

Шабельцев, С. В. Белорусские реэмигранты: аргентинское прошлое как фактор самоидентификации и инаковости в СССР / С. В. Шабельцев // Крыніцазнаўства і спецыяльныя гістарычныя дысцыпліны: навук. зб. Вып. 5 / Рэдкал. У. Н. Сідарцоў (адк. рэд.), С.М. Ходзін (нам.адк. рэд.) [і інш.] – Мн: БГУ, 2009. – С. 111–120.

С. В. ШАБЕЛЬЦЕВ

БЕЛОРУССКИЕ РЕЭМИГРАНТЫ: АРГЕНТИНСКОЕ ПРОШЛОЕ КАК ФАКТОР САМОИДЕНТИФИКАЦИИ И ИНАКОВОСТИ В СССР

Современное государство, функционирующее в условиях глобализации, вовлечено в процесс широкого взаимодействия с другими, порой достаточно отдаленными странами. Существующие в мире экономические, политические и культурные связи, миграционные потоки, активный обмен информацией ведут к размыванию национальной самобытности стран, проникновению иных религий, нетрадиционного образа жизни, а порой и чужого языка. Все это не характерно для «закрытых» обществ и государств, ярким примером которых служит Советский Союз, где отсутствовал свободный въезд — выезд в страну — из страны, а поток информации извне тщательно контролировался. Среди немногочисленных категорий лиц, поселившихся в СССР в 1950-х гг., выделяются своей массовостью реэмигранты из Аргентины. Приезд из-за «железного занавеса» около 4 тыс. украинцев и 2 тыс. белорусов, бывших жителей «Серебряной республики», стал заметным общественным событием в СССР.

Термин «реэмигранты» употреблялся по отношению к выходцам с территории СССР, которые приняли советское гражданство за границей и вернулись на Родину. Что касается белорусов, то это эмигранты из Западной Беларуси, которые покидали межвоенную Польшу и направлялись в 1920—1930-х гг., в основном, в Аргентину. Среди них были распространены прокоммунистические взгляды и симпатии к СССР, они проводили в Южной Америке мероприятия в помощь Советскому Союзу во время и после Великой Отечественной войны. В 1946 г. Аргентина установила дипломатические отношения с СССР, и белорусы-

111

иммигранты в этой стране приняли в массовом порядке советское гражданство. Они надеялись переехать на Родину, в СССР, где, по их мнению, существовал самый справедливый общественный строй. Эта мечта осуществилась только в середине 1950-х гг.

Советские органы власти не выпускали реэмигрантов из своего поля зрения: занимались трудоустройством переселенцев, обеспечением их жильем, а также следили за умонастроениями среди них. Факт переселения тысяч бывших жителей капиталистической страны в СССР активно использовался в пропагандистских целях — как свидетельство преимущества советского строя.

В данной статье проведено исследование того, как белорусские реэмигранты воспринимали свое прошлое в Аргентине, находясь в СССР, и как аргентинский опыт повлиял на их отношение к советской действительности. Основными источниками, на которых проведено исследование, являются вышеназванные устные воспоминания реэмигрантов. Один из них — К. Шерман — опубликовал свои воспоминания в виде эссе «Мерыканцы» в 1995 г. Также использованы материалы архивов РБ и Украины (куда также отправлялись переселенцы-белорусы), хранящие отчеты об умонастроениях реэмигрантов, поступающие в адрес коммунистических органов республик.

Началом научной разработки данной темы стала диссертация А. Руденко «Общественно-политическая и культурная деятельность прогрессивных белорусских иммигрантов в Аргентине (1925—1955 гг.)», которая была защищена в 1975 г., значит, встречи диссертанта с респондентами произошли в период с 1956 по 1975 г. Белорусские авторы воспоминаний (9 человек) однородны по своему составу — это бывшие крес- тьяне, которые, переселившись на берега Ла-Платы, вступили в Компартию Аргентины (КПА) или в Союз украинских и белорусских рабочих организаций (СУБРО), действовавший в начале 1930-х гг. и находившийся под контролем КПА. После расформирования СУБРО были созданы во второй половине 1930-х гг. легальные белорусские общества, которые в 1939 г. объединились в Федерацию белорусских обществ и организаций в Аргентине (далее Белорусская федерация). Некоторые из респондентов возглавляли созданные организации, многие преследовались за свою коммунистическую деятельность аргентинскими властями.

Время записи воспоминаний реэмигрантов, а также предмет исследования диссертации предопределили содержание записанных бесед. В них прослеживается идеологическая составляющая интервьюируе-

112

мые упоминали о причинах выезда из Западной Беларуси, тяжелых условиях жизни в Аргентине,

вступлении в СУБРО или КПА, компаниях помощи республиканской Испании и Советскому Союзу. При этом из рассказов полностью выпали такие вопросы, как постройка дома, получение (или неполучение) профессии, проведение свободного времени, создание семьи. Реэмигранты никоим образом не сравнивают аргентинскую и советскую действительность. Все рассказы не переступают барьер 1949 г., когда правительство Перона запретило деятельность Славянского Союза в Аргентине и входивших в него белорусских организаций. Структура текстов воспоминаний достаточно однородна: вероятно, существовал примерный план интервью, в котором были определены интересующие темы и задавались одинаковые вопросы. Объем записанных текстов невелик: от полутора до четырех страниц, как будто респонденты боялись сказать лишнее.

Причинами выезда эмигрантов из Западной Беларуси назывались «тяжелое материальное положение», «безземелье и большие налоги», «учиться было негде». Указывалось, что такое положение было результатом политики буржуазной Польши. Когда переселенцы переехали в Аргентину, то оказалось, что «условия жизни были ничуть не лучше, чем на Родине при панской Польше»¹. Весь западный капиталистический мир — что Польша, что Аргентина — предстает царством наживы, где белорусы не находят место под солнцем.

Политические симпатии белорусских переселенцев из Польши были на стороне СССР, и это определяло их прокоммунистическую ориентацию. Однако когда образовались легальные белорусские организации, между ними возникли противоречия. По словам опрошенных, «Белорусская библиотека имени И. Луцкевича» и «Культура» «стали постепенно отходить от других белорусских организаций, обвиняя последние в том, что они слишком много занимаются политикой. Они были против того, чтобы коммунисты «вмешивались» в жизнь организаций. «Новая газета», орган Белорусской федерации, также стала скатываться на «культурнические» позиции»². «Руководители газеты, не пожелавшие изменить ее содержание, были исключены из рядов КПА, а «Новая газета» прекратила свое существование»³. «Однако следует отметить, что рядовые члены этих белорусских организаций были такими же патриотами СССР, как и остальные белорусы»⁴. Во время Великой Отечественной войны общества «Белорусская библиотека имени И. Луцкевича» и «Культура» из-за того, что «выступали про-

тив руководящей роли КПА и сотрудничества с прогрессивными украинскими обществами..., были исключены из Белорусской федерации в мае 1943 г.»⁵.

В сюжете об обществах «Белорусская библиотека имени И. Луцкевича» и «Культура» наиболее ярко прослеживается идеологизация воспоминаний, записанных А. Руденко. Из представленных записей следует, что помогать СССР во время войны хотели только коммунисты, которые являлись искренними патриотами. А иммигранты, которые выступали против вмешательства коммунистов в дела обществ, участвовали в компаниях помощи только из-за боязни потерять влияние в «белорусской колонии». Но другие типы источников свидетельствуют об обратном⁶. Например, были члены КПА и среди руководства «Белорусской библиотеки имени И. Луцкевича», и ее члены первыми стали организовывать сбор средств в помощь СССР. Один из них — В. Круковский — являлся первым председателем созданного уже в 1941 г. Белорусского демократического комитета помощи Родине. Как и все белорусские иммигранты, члены вышеназванных обществ приветствовали победы Красной армии и прославляли Советский Союз. Но в отличие от других они были против того, чтобы заниматься политической борьбой в Аргентине на стороне КПА. После исключения из Белорусской федерации активисты «Белорусской библиотеки имени И. Луцкевича» и «Культуры» организовали Белорусский центр помощи Родине.

В 1946 г. вместо Белорусской федерации был создан «Союз белорусских культурных организаций» во главе с Т. Ляшукон, и это объединение оказывало поддержку КПА. «Белорусская библиотека им. И. Луцкевича» являлась постоянной внутренней оппозицией в «Союзе...», что привело в 1948 г. к ее исключению из этого объединения. В воспоминаниях ничего не говорится о том, что вторично исключенная организация по настоянию посольства СССР вынуждена была самораспуститься. Тактика посольства понятна: в белорусской диаспоре не должно было быть альтернативы «прогрессивной» деятельности, которая отождествлялась с поддержкой КПА. Огромное же влияние на иммигрантов, которое имели советские дипломаты, объясняется желанием многих белорусов вернуться на Родину.

Таким образом, из записей бесед, приведенных в диссертации А. Руденко, аргентинское прошлое реэмигрантов предстает весьма скудно. Многочисленные авторские умолчания не позволяют судить о деятельности внутри клубов, о повседневной жизни, об изменениях экономи-

ческих условий в Аргентине в 1940-е гг. и т. д. Обстоятельства публикации воспоминаний (господство коммунистической идеологии в СССР и контроль за обществом со стороны власти) обусловили стандартизацию в характеристиках ситуаций, людей. Оценки аргентинских властей даются сугубо отрицательные, а боровшиеся против них члены КПА (в том числе и белорусы) предстают в качестве людей сознательных. Аргентинский период жизни удачно вписывается в формулу: прошлое — это тень,

отбрасываемая нашим будущим. Будущее человечества — это торжество коммунизма, для которого белорусы сделали в аргентинском прошлом все, что могли.

Следует признать, что прокоммунистическая ориентация способствовала более устойчивой самоидентификации белорусов в Аргентине, что очень важно при слабости их национального самосознания. Они верили в совершенство общественного строя в СССР, отмечали советские революционные праздники, распространяли печатные издания с коммунистической пропагандой. Эта идеологическая ангажированность прочно отделяла их от аргентинцев, а также от поляков и русских в Аргентине.

Отметим, что собеседниками А.Руденко являлись далеко не все из руководителей и активистов белорусских организаций в Аргентине. Например, Т. Ляшук, А.Леоник (член правления общества «Белорусский очаг») жили в БССР, но с ними встречи проведены не были. Воспоминания постсоветского периода зафиксировали, что многие из них были шокированы увиденным в СССР. В беседе с М. Романовичем Т. Ляшук, один из первых переехавший в СССР, с горечью сказал, что не писал знакомым в Буэнос-Айрес, потому что не хотел врать о том, как на самом деле живется в СССР. (По некоторым сведениям Т.Ляшук через несколько лет повесился.) Бывший руководитель общества им.Ф.Скорины И. Карчик, по словам дочери, был поначалу в такой растерянности, что просто сидел в прострации и смотрел в одну точку. Представители семьи Леоников в частных разговорах высказывали сожаление, что переехали из Аргентины. Бывший руководитель общества им.В.Белинского В.Жданеня спустя несколько лет вернулся с семьей в Буэнос-Айрес. Что уже говорить о той части белорусов, которые были обеспечены материально в Аргентине и все же поехали в СССР, повинувшись чувству ностальгии советской пропаганды? Желавших вернуться в Южную Америку было множество, однако советские власти разрешили выезд из страны только в 1960-х гг., да и то не всем: подсчеты автора показали, что с 1963 по 1971 г. Включительно из БССР в Аргентину выехало 214 человек⁷.

Среди таких «резмигрантов» большинство составляли молодые люди, которые родились в Аргентине и считали ее своей Родиной. Если представители старшего поколения переезжали, возвращаясь на Родину, то их дети в середине 1950-х гг. познавали ранее неизведанный мир и в СССР ощутили себя чужеземцами. В их душах столкнулись два противоположных мира; юноши и девушки решали дилемму: кто они есть? В диаспоре они себя считали советскими людьми (Беларусь рассматривалась в первую очередь как регион Советского Союза). Родители приветствовали патриотичное воспитание молодежи в советском духе, которое было в украинско-белорусских клубах советских граждан, созданных в начале 1950-х гг. («им. Максима Горького», «им. В. Белинского», «им. Н.Островского» и др.). Ребятам и девочкам принимали в пионеры, на торжествах по случаю празднования 7 Ноября, 1 и 9 Мая устраивали концерты самодельности, в которых подрастающее поколение участвовало очень активно. Занятия в клубе проводились по изучению русского языка, акробатике, пению, танцам, и это отгораживало детей от влияния улицы. Для многих это был второй дом, куда приходили после учебы в школе.

Советское общество молодым людям представлялось следующим образом: «нет безработицы, нет проституции, конкуренция заменена социалистическим соревнованием, от перепроизводства спасает плановая экономика, уголовники осознали свои преступления в гуманной тюрьме и выходят оттуда пристойными строителями будущего...»⁸. В результате коммунистической пропаганды у них «возникало впечатление, что в Беларуси люди жили если не в раю, то в полной гармонии и достатке, в условиях высокой культуры и морали, где работают честно и пристойно зарабатывают, где господствует социальная справедливость и «жить стало веселей»⁹.

После приезда в СССР оказалось, что представления резмигрантов о советском строе оказались идеологическим мифом. «Я приехал в СССР и увидел лозунги: “Нет незаменимых людей, все одинаковые”». Все говорят, что у меня золотые руки, а эти золотые руки здесь совершенно никому не нужны. Я удивлялся, что за страна, как это может быть, чтобы человек, который умеет все это делать, жил хуже, чем тот, который не умеет. А тот языком работает, становится общественником, речи толкает. И вот он на виду, идет вперед, ему завидуют, а изделие от этого страдает. Смотришь: везде по магазинам халтура»¹⁰. М. Мовчан описывает как его отец, опытный паркетчик, предлагал изменить при-

митивную технологию кладки паркета: «Он старался сделать лучше для своей страны, а над ним смеялись: “Что ты, батька, это там при капитализме, у нас такое не делают, это чепуха”. Он и к парторгу ходил— все одно, на него махали рукой»¹¹. И таких примеров было множество: кто-то вспоминал о многочисленных перекурах, кто-то о выпуске некачественной продукции, кто-то об угрозах со стороны рабочих в адрес переселенцев, которые выкладывались полностью на производстве.

Несмотря на осознание советских реалий, резмигранты, которые со временем хорошо устроились в новом месте, не высказывали недовольства. Если они принимали участие в политической деятельности в Аргентине, то гордятся этим и сейчас. Но у тех, кто негативно относился к советской действительности, произошло изменение оценок своих занятий «политикой» в Аргентине: «...там была коммунистическая

партия. Посольство СССР, которое появилось в 1946 г., официально утверждало, что мы с ней контакта иметь не должны. Но это для слова, а так они и старались нас подталкивать к такой деятельности. Для Коммунистической партии Аргентины мы расклеивали плакаты, на митинги ходили. И многих таких, кто провинился, просто брали в каталажку. Ведь ясно: приехал человек без политических прав, а он лезет везде со своим коммунизмом. Кроме того, какой там коммунизм в Аргентине: эта партия ни одного голоса не имела в конгрессе. Мы выходили с протестом, чтобы отпустили тех, кто сидит. Походим, походим — и домой. Вспоминать это просто смешно; кажется, до чего глупые были: что нам Аргентина плохого сделала, когда только благодарить ее надо за то, что этот отрезок жизни мы прожили великолепно»¹².

Бывшие жители Аргентины вначале ощущали оторванность от советской жизни. Сравнение жизни в СССР с Аргентиной было в пользу последней. В Аргентине многие белорусы имели собственное жилье, не знали, что такое недостаток пищи. После такого города, как Буэнос-Айрес, бросалась в глаза бытовая неустроенность: существовала острая проблема жилья, люди часто жили в бараках, подвалах, общежитиях, коммунальных квартирах. В СССР реэмигранты жили впроголодь, выстаивали огромные очереди за хлебом низкого качества. На улицах было непривычно много пьяных, а в Аргентине показаться на людях в таком виде считалось позором. Реэмигранты выделялись своей одеждой, которая выглядела изящно по сравнению с тем, что носили в СССР. Молодых людей за это называли «стилягами», и они выглядели белыми воронами.

В этих условиях на первое место выступала способность того или иного человека адаптироваться к новым реалиям: выучить язык, найти друзей, получить нужную профессию. На этом пути очень важна была поддержка, которую оказывала семья, и благоприятным фактором было наличие многочисленных родственников в Беларуси, которые могли помочь.

Аргентинское прошлое каждого молодого человека играло немаловажную роль: чем больше были вовлечены молодые люди в прежнюю аргентинскую жизнь, тем больше вопросов у них возникало. Если же круг их прежнего общения ограничивался семьей и клубом, то адаптация проходила менее болезненно. Например, Анне Бетько еще в Буэнос-Айресе «родители всю жизнь рассказывали о Родине, которая есть (они употребляли это слово не в прошедшем времени, а в настоящем). И они мне настолько привили эту любовь, что для меня это тоже была Родина: это я родилась в Аргентине, но все равно чувства мои были с Беларусью, с тем кусочком природы, о котором мне рассказывала мама. И родители говорили на смешанном белорусско-польском языке (не чисто белорусском). И я, так как росла дома, почти не знала испанского языка. Поэтому, когда я по исполнению шести лет пошла в школу, дети надо мной стали смеяться. И я сказала, что не буду ходить в школу. Моя мама вынуждена была все деньги, которые были, собрать и отдать меня в первый год обучения в частную школу. К этому меня приучили: ты здесь чужая, и, пожалуйста, никогда не вмешивайся ни в какие дела»¹³.

После того как уже в 1956 г. реэмигранты начали обращаться в Посольство Аргентины в Москве с просьбами о возвращении в эту страну, советские органы власти стали прилагать все усилия, чтобы лучше обустроить переселенцев (в обеспечении жильем, устройстве на работу, получении высшего образования). В результате они оказались в более привилегированном положении, чем остальные граждане. У некоторых открылись возможности для реализации больше, чем в Аргентине: «Вы не поверите, я в 1955—1956 гг., первый год только работал, и у меня были такие точки, как Калининград, Каунас, Вильнюс, Рига, и я, молодой парень с аккордеоном, объездил эти города, а затем и весь Кавказ, Черное море. Поэтому я и не страдал, как другие, что на Родину приехали и хотели вернуться в Аргентину»¹⁴.

Однако большинство молодых реэмигрантов не могли привыкнуть к советскому образу жизни. О причинах такого неприятия наиболее эмоционально высказалась в письме к аргентинским реэмигрантам та-

кая же переселенка из Уругвая А. Савчук: «...бывают минуты, когда кажется, что не выдержу этой гнусной жизни без всяких надежд, где единственная забота у человека — это несчастный кусок черного хлеба, которого не всегда можем купить. Да, искали очень возвышенной культуры, а попали в первобытное общество, которое существовало только несколько тысячелетий тому назад»¹⁵. Даже после проведенных мероприятий властей, направленных на улучшение жизни реэмигрантов, многих не устраивал уровень зарплаты, жилищные условия, отсутствие развлечений в СССР и т. д.¹⁶. Молодежь замыкалась в своем кругу, устраивала собственные вечеринки, где поднимались тосты за Аргентину, пелся гимн этой страны, танцевались американские танцы. «Серебряная республика» осталась в их памяти страной веселья, праздников и достатка. Многие из них мечтали вернуться обратно, как, например, новоявленный одессит В. Сидорович: «...собираемся у кого-либо и вспоминаем годы жизни в Аргентине. И если бы нам сказали, что мы можем уехать, то мы бы глыми поехали»¹⁷.

Выезд из СССР стал возможен только в начале 1960-х гг.: к этому времени правительство Аргентины на международной арене ставило вопрос об ущемлении прав аргентинских граждан в Советском Союзе (рожденные на земле Аргентины автоматически становятся гражданами этой страны). Случалось,

юноши, достигнув призывного возраста, настаивали на том, чтобы им разрешили выехать и служить в аргентинской армии. И чтобы избежать международного скандала советское правительство разрешило выезд «аргентинцам». Воспользовались этой возможностью не все: те, кто не родился в Аргентине, кто был женат на «коренных» советских гражданах, кто не хотел начинать жизнь опять с нуля после очередного переезда (тем более, что в Южной Америке наблюдался в это время экономический кризис).

Таким образом, эмигранты-белорусы были связаны с СССР своим происхождением, а молодое поколение, рожденное в Аргентине, воспитывалось в коммунистическом духе и считало Советский Союз своей Родиной. Однако отсутствие свободы информации из СССР в 1950-х гг., когда не было возможностей проверить данные советской пропаганды, приводили к иллюзорности создавшегося образа СССР. Для советских властей мало что значила судьба человека, сломавшего себе жизнь переездом в мир, который представлялся в розовом свете. Государственные интересы превалировали и при принятии решения о запрете возвращения в Аргентину разочаровавшихся реэмигрантов.

Нахождение в эмиграции как факт биографии играл важную роль для белорусских реэмигрантов. Знание образа жизни на Западе придавало переселенцам большей критичности при оценке советской действительности. Тотальное сравнение жизни в Аргентине и СССР выявляло наиболее характерные черты обеих стран. В результате молодое поколение реэмигрантов вынуждено было решить проблему собственной идентификации. С одной стороны, они были происхождения, «кровью», связаны с СССР. С другой — привычный образ жизни ассоциировался у них с Аргентиной. Со временем вопрос стоял просто: в какой стране для конкретного человека больше перспектив, какой образ жизни более приемлем. Каждый решал этот вопрос по-своему: кто-то приспособился жить по-советски, кто-то выбирал более жесткий и свободный мир Запада. Этот выбор в результате и определял идентификацию переселенца с тем или иным обществом.

¹ Свидетельства очевидцев // Руденко А. В. Общественно-политическая и культурная деятельность прогрессивных белорусских иммигрантов в Аргентине (1925—1955 гг.): дис. канд. истор. наук: 07. 00. 03 / АН СССР. Москва, 1975. С. 149—171.

² Свидетельства очевидцев // Руденко А. В. Общественно-политическая и культурная деятельность прогрессивных белорусских иммигрантов в Аргентине (1925—1955 гг.): дис. канд. истор. наук: 07. 00. 03 / АН СССР. Москва, 1975. С. 149—171.

³ Свидетельства очевидцев // Руденко А. В. Общественно-политическая и культурная деятельность прогрессивных белорусских иммигрантов в Аргентине (1925—1955 гг.): дис. канд. истор. наук: 07. 00. 03 / АН СССР. Москва, 1975. С. 149—171.

⁴ Свидетельства очевидцев // Руденко А. В. Общественно-политическая и культурная деятельность прогрессивных белорусских иммигрантов в Аргентине (1925—1955 гг.): дис. канд. истор. наук: 07. 00. 03 / АН СССР. Москва, 1975. С. 149—171.

⁵ Свидетельства очевидцев // Руденко А. В. Общественно-политическая и культурная деятельность прогрессивных белорусских иммигрантов в Аргентине (1925—1955 гг.): дис. канд. истор. наук: 07. 00. 03 / АН СССР. Москва, 1975. С. 149—171.

⁶ Белорусский демократический комитет помощи нашей Родине // Белорусский иллюстрированный календарь на 1943 г. Буэнос-Айрес, 1942. С. 118—122.

⁷ Архив МВД РБ, ф. 49, оп. 1, дело 24, 25, 29, 64, 70.

⁸ Мерыканцы // К. Шэрман. Таямніцы почырку. Мінск, 1995. С. 209—244. С. 224.

⁹ Мерыканцы // К. Шэрман. Таямніцы почырку. Мінск, 1995. С. 209—244.

¹⁰ Запись беседы с М. Мовчаном.

¹¹ Запись беседы с М. Мовчаном.

¹² Запись беседы с М. Мовчаном.

¹³ Запись беседы с А. Бетько.

¹⁴ Запись беседы с М. Романовичем.

¹⁵ Центральний державний архів громадських об'єднань України (ЦДАГОУ). Ф.1. Оп.24.Д.4546.Л.206.

¹⁶ Национальный Архив Республики Беларусь. Ф. 4 п. Оп. 62. Д. 489. Л. 89—93.

¹⁷ ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп. 24. Д. 4309. Л. 62.